

Лариса Колесова

**Смысловый алгоритм и синергия
в Большом антропоном переходе**

Вторая летняя
СРЕТЕНСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.

.....

Не удивляйся тому, что я сказал тебе, должно вам родиться свыше.

Евангелие от Иоанна 3:3

Преамбула

Кризис кризисов. Незнакомый пришелец

Переходные периоды и эпохи уже давно располагаются в самом центре внимания множества антропологических дисциплин, наук, гипотез и искусства, духовного в том числе. Особенно потому, что их значение для человека и человечества постоянно возрастает с глубочайшей древности, когда 25 веков назад – в эпоху т.н. рессентимента и самого начала перехода человека на ступень морально-духовного взросления – стали проявляться все более отчетливые состояния массового страха, ненависти и злобы по отношению к образу Другого, формируя устойчивый «образ врага» и отрицания враждебного мира.

С этого древнейшего перехода именно «образ врага» и отрицание, отчуждение от реальности в образах отмечается в качестве ведущего фактора как восприятия переходности, так и мышления, его отражающего, – причем как во множестве и социальных и чисто человеческих проявлений – создавая характерный образ перехода как «незнакомого пришельца».

Если внимательно посмотреть на все имеющиеся на сегодняшний день шкалы психологических возрастных кризисов и переходов человека как 19, так и 20 в.в., то мы увидим именно проявления того же «незнакомого пришельца» - в виде «образа врага», тревоги и даже ужаса, стыда и вины, которыми отмечены все переходные фазы и этапы «возрастов», и которые подспудно присутствуют уже в детстве, но которые сильнейшим образом проявлены только в трех возрастах человека – юности, взрослости и старости.

Спираль «середины жизни», midlife crisis.

И которые имеют отчетливую тенденцию к синтезу и кульминации только в одном, конкретном возрастном периоде – т.н. «середины жизни», midlife crisis, **эсхатологическом и экзистенциальном кризисе особого, духовного роста, духовной зрелости**, сталкиваясь с утерей смысла жизни. Когда жизнь делается нелинейной, выливается в настоящую трагедию, наполняясь переживаниями всех возрастных кризисов слитно, от детства до старости, переживаниями потери волевого контроля, персонального опустошения, полностью выпадая из времени, когда имеют место типичные контуры горя (как, например, в шкале Кюблер-Росс), обычно принимающие навязчивые, изворотливо-повторяющиеся формы, но одновременно получая уникальный шанс «повторного рождения», «перезапуска» всего хода своего жизненного пути. Уникальность кризиса «середины» жизни состоит в том, что сотни миллионов поколений исторически переживают один и тот же ритм возврата к глубинным основам самого существования человека, его инвариантности, Божественной экзистенции, встречи со своим призванием и предназначением.

Включая:

- игнорирование травмирующего события, шок, оцепенение, первичное формирование «образа» боли, врага, опасности,
- погружение в действительность и поиск причин случившегося, часто сопровождается гневом, чувством несправедливости происходящего, культивированием уже возникшего образа врага и опасности;
- состояние острого горя и отчаяния (душевная боль, трудности концентрации, утрата энергии);
- обнаружение, рождение спасительного **нового, подлинного смысла своей жизни**, ее сути и правды, преодоления внутренних препятствий,
- совершение подвига победы над внешним злом и героического подвига победы над собственным злом искаженного, бессмысленного восприятия своего жизненного пути, особенно опираясь на силу духовного выбора и искренней веры в свое призвание.

Профанное и сакральное в антропном переходе. Метаморфоз.

Эта образная динамика экзистенциальных переживаний хорошо отражена именно в искусстве переходных периодов, с самой глубокой древности, в «осевую» эпоху, в искусстве Возрождения, как на Востоке, в России и на Западе, а впоследствии в переходные эпохи Промышленных революций, перехода к модерну и после них. Причем повторяясь и сегодня в текущем антропном переходе, в тех же живучих сюжетах, сценариях, смыслах и образах, **сохранившихся невредимо сквозь века и сойдя из высокого светского и духовного искусства в живую человеческую жизнь.**

Этот экзистенциальный и эсхатологический переход в антропной сфере переживается всегда в двух разных культово-ментальных измерениях – **профанном - измерении здравого смысла, благоразумия и сакральном – героическом измерении нового смысла жизни, Замысла и предназначенности, нового духовного подвига, новой одухотворенной цивилизованности** на своей земле. Масштаб такого перехода сопоставим с радикальным переворотом, сущностной перестройкой как в цикле полного метаморфоза в живой природе, сопровождаясь появлением нового, полного расцвета и возрождения.

Современное же состояние возрастов и «лиц» всего совокупного человечества четко указывает на то, что мир вошел в фазу **спирали цивилизационного метаморфоза, и отчетливой фазы середины, кризиса кризисов**, когда идет бурное самооформление «на земле» локально-цивилизационных начал, поиска своего, локального «смысла жизни», стремительно охватывая всю планету уже глобально. Когда имеет место не просто переходный возраст «середины жизни», но идет речь о фактическом существовании самой жизни на земле в прямом смысле этого слова – и биологически, и физически, и морально, и духовно, и социально, и экономически, и политически, и культурно, и технически. И, если не будет совершен новый подвиг, найден новый совокупный смысл жизни, и, если не появится совокупное благоразумие и, соответственно, новая цивилизованность и новая синергия цивилизаций, жизнь может не сохраниться.

Сверхновое время, синергия и «середины жизни».

В основании синергии цивилизаций и синергии людей лежит синтез всех «возрастов» и состояние «середины жизни» и, соответственно, особое «серединное» напряжение - **особая работа духа, ума и сердца, преодоление «образа врага», включая и внутреннего «змия», искаженного образа реальности и искаженного образа своего предназначения, обретение подлинности жизни и ее нового смысла и Замысла.** И открытия тем самым впервые в истории **Сверхнового времени мира, вошедшего в свою «середину» Большого антропного перехода** и нового, осмысленного, подлинного и целостного синергийного и сущностного мышления.

Этот радикальный Большой нелинейный переход имеет инвариантную (матричную) природу и смысловую цикличность, хорошо различимую спиралевидную повторяемость и спиралевидную форму каждого смыслового аттрактора, образующего целостный, завершённый завиток, одновременно и непрерывно открывая все новые и новые его элементы. В этом колебательном ритме отмечается такой же спиралевидный, навязчивый транзит образов и смыслов типичных переживаний «середины жизни», запечатленных в мировом искусстве, культуре и ментальности именно переходных эпох, когда мир буквально «сжимается», заставляя переживать экзистенциальные и эсхатологические состояния во всех слоях человеческой современности и переброске образов, мифов, поведенческих и ментальных стереотипов практически без изъянов и потери содержания в личных, семейно-генетических, групповых историях, в этнических паттернах.

Фазы и аттракторы перехода. Рождение синергии.

Рассмотрим подробнее указанные завитки этой смысловой «серединной» спирали, в качестве иллюстрации привлекая образы переходных культур «осевого времени» - по Ясперсу, новозаветного сотериологического перехода, переходного искусства Возрождения, культурных порогов эпох Промышленных революций 18-20 в.в., модерна -конец 19-начало 20 в.в., постмодерна, а также их позднейших и современных ответвлений и копий. Все они образуют ход самого Большого антропного перехода, цель которого – **вызволение синергии**, где наблюдается четкий ритм **трех первичных смысловых аттракторов (трех тел)**, где «возраст», то есть линейность, еще сохраняется, привлекая образы и паттерны всех известных трех антропологических революций от эпохи «ветхого» человека, далее эпохи «осевого» человека, включая Евангельский переворот Богочеловека и эпохи «человека-гражданина»:

1. маска (детство-отрочество)

2. тревога (юность)

3. воля (взрослость)

затем – переход к **ядру срединности, собственно переходному аттрактору**, где «возраста», то есть линейности, уже нет-

4. судьба (духовная зрелость, середина жизни и «второе рождение») – эпоха Срединного человека (софийного)

затем запуск **фрактального, странного аттрактора**

5. сознание (мудрость)

далее – **сотериологического аттрактора**

6. синергия - (Божественная любовь)

Контур всех аттракторов содержит множество **языковых миров Большого антропного перехода** открыт, постоянно обновляется, вращаясь вокруг своих смыслов, работая с которыми, можно осуществлять управление переходом и переходными состояниями и факторами.

1. Аттрактор первый. Маска (куколка).

Африканские, венецианские, австрийские и новгородские маски.

Двумирие маски.

Культуры отражения миров, возникавшие уже с самой глубокой древности, в эпоху наивного, «детско-подросткового холизма», у всех народов мира, создали разнообразные двойники-маски человека, как атрибут «кукольности», промежуточности и «сжатия», посредничества и «между-мирия» (между мирами). Они использовались в обрядах перехода, инициациях, в качестве культовых предметов защиты или отпугивания от неизвестного вражеского нападения или призыва помощи природного мира, (звериного в том числе), дарившего силу.

Европейцы наделяли маски покоряемых ими народов, например, в Африке, конкретными признаками «образа врага», Другого, вызывавшего ужас, но в 20в. в переходную эпоху модерна включили их мотивы в свое живописное искусство, а после 60х-70х годов 20в., и проведения прикладных и полевых антропологических исследований, признали культуру масок «куколкой», **матричной оболочкой, универсальным культурным медиатором**, сохраняющей в целостности, устойчивости и переходности одновременно всю локальную самобытную культуру, какой бы размах она бы ни приобретала.

В античности, средневековье маски сохранили свой промежуточный, медиативный характер, будучи атрибутом театральных множества традиций, сохраняясь и сегодня - возрожденческая карнавальная культура дель-арте, мистериальный театр, театр Кабуки, новгородские балаганы – эти традиции масок содержали специфический жертвенно-переходный характер двумирия и медиации– смеха и жертвы, шута и палача, которые и в 21 веке можно наблюдать в разного рода манипулятивных «цветных» переворотах и искусственно нагнетаемых ситуациях вражды и войн.

Маски «позора» и их современный сетевой возврат

Именно двумирие, раздвоенность четко последует в других ипостасях «маски-куколки» – в ее роли жесткой оболочки умственного стереотипа «образа врага», включая его жертвенный атрибут «козла отпущения» и образца публичного наказания. Так - как это проявилось (и проявляется) в качестве варианта «социального рейтинга» и публичного унижения («маски позора») в кризисные, переходные периоды любых внутренних конфликтов и гражданских противостояний. Как в Европе эпохи «охот на ведьм» или начиная с эпохи позднего Возрождения в качестве атрибута множественных фобий относительно инородцев, иноверцев, и вообще Иных – особенно народов к Востоку от Европы. История европейских и вообще западных ксенофобий как элемента вертикального варварства (тоталитаризма, нацизма, фашизма и др.) невероятно богата на длительную, не угасающую до сих пор славянофобию и особенно русофобию, исток которой приходится на 15-16 в.в., а бурное продолжение происходит на наших глазах уже в 21в., принимая совершенно гротескные формы.

Более того, любой антропный кризис неизбежно сопровождается нагнетанием раздробления, дву и между-мирия и набрасывания «образа врага», в том числе в пропаганде, применяющей испытанный, упрощающий восприятие прием «маски-куколки». В переходном инфантильном сознании, зависимом от влияния пропаганды и ее стереотипов, «маска-куколка» очень устойчива как табуирующий и медиативный инструмент, сохраняющий внешнюю, общинную или групповую, наивную целостность, но тормозя при этом кризис роста, самораспознавания, собственного смысла, и разрушая внутреннюю целостность. К неосознаваемому состоянию «маски-куколки» со всеми его атрибутами и реакциями отрицания, вытеснения, переноса «вины» и «позора», откатываются сегодня практически все слои сетевого массового бессознательного, как в типичной культуре отражения. Это есть четкий характерный признак начальной, детско-подростковой, фазы Большого антропного перехода, особенно мощно охватившего все западные ареалы, причем как в собственно культуре, так и в целом в состоянии умов и ментальности, элитной особенно.

2. Аттрактор второй. Тревога.

Джотто ди Бондоне. Поцелуй Иуды. Фреска. Падуя

Рыбак. Китай, ок. 1350. Тушь, бумага. Художник – У Чжэнь (1280–1354). Музей Метрополитен, Нью-Йорк

Тревога как атрибут духовного роста, аутопозиса

Культивирование раздвоенности и целостности одновременно через «образ врага» неизбежно сменяется на совершенно противоположную, утонченную культуру «юношеской» романтической целостности - аутопозиса, иначе, духовного роста, самовыстраивания, даже самопорождения. Главным признаком этой романтической фазы выступает разветвленное, устойчивое и чувственно-насыщенное состояние тревоги, обладающее свойством подавления и трансформации страха и одновременно открывая возможности творчества, а главное – первичного ощущения привязанности к смыслу жизни.

Более того, на Западе различают проявление целых переходных эпох тревоги, на закате античности - т.н. оптическая тревога, в эпоху Предвозрождения – нравственная тревога, на закате модерна – духовная тревога. Культуры гуманизма и Возрождения, особенно его самого начала, создали точную картину умственного и чувственного расцвета, которое всегда сопровождало тревогу как истока пробуждения смысла и начала духовного роста. .

Исторически тревога отмечена как основное проявление практически всех антропных переходов, и с этой точки зрения она вневременная, отличаясь от тревожности как болезненным, «юношеском» переживании неустойчивости и неопределенности. Современное состояние Большого антропного перехода буквально переполнено тревогой и ее интенсивность продолжает увеличиваться, четко указывая на стремительный рост сферы Антропоцена, вошедшего в фазу духовного роста и аутопозиса уже глобально, сопровождаясь – в зависимости от различных культурных ареалов – различными оттенками и характером неустойчивости.

Тревога как источник равновесия и связи с будущим

При этом именно эта «юношеская» тревога в возрожденческих культурах мира раскрывает свой глубокий смысл и феноменальное значение как источника особого равновесия, на котором создается целостный, неповрежденный и гармоничный образ родной земли, ее природной чувственности. Кроме того, эта «юношеская» тревога есть особое тонкое состояние-процесс, продолжающийся незримо в те моменты, когда наиболее сильно происходит соприкосновение с будущим, а также с собственным творческим смыслом, его напряженным тревожным ожиданием и требует именно поэтому надежной точки опоры.

Возрожденческие культуры как таковые были и есть устремлены именно в поиск опоры для пути в будущее и в творчество, как и сама тревога. Но при этом их исторические образы, метафоры и умственные прозрения были мощнейшим образом укоренены в «почве» цивилизационных ареалов и передавали их уникальные особенности, а потому они совершенно различны в разных антропных очагах.

Культура гохуа и растворение тревоги

Так, была хорошо проявлена культура тревоги, самопогружения и аутопоззиса в Восточном Возрождении, где в Китае произошел взлет древнейшей даосской культурной традиции живописи гохуа, сквозной для всей китайской истории, но которая создала ярчайшие свои произведения именно в «осевые» и возрожденческие периоды наибольшей концентрации на состояниях самопознания человека - 3-2 в.в до н.э., 8-15 в.в. Китайская традиция живописи гохуа передает состояние совершенно особого умиротворения, особого постижения природы, и растворенности в ней, особого равновесия, насыщающего тревогу просветлением, создавая т.н. «воспоминания о будущем». Традиция гохуа как подлинно самобытная китайская живопись в конце династийной эпохи стала целостным основанием для противостояния с юхуа – западной живописью и новейшими веяниями с Запада и Японии.

Запад и Россия: отчаяние и духовное бесстрашие

Культура тревоги на Западе была и есть совершенно иного свойства. Ее светский антропоцентризм ПротоВозрождения и оживление телесных форм передает одновременно и глубоко противоречивый характер переживания человека, поставившего себя над миром в поисках смысла, но не обретшего в результате ни гармонии, ни ощущения реальности, породив множество утопий в стремлении материального и осязаемого постижения мира и отодвигая духовные поиски.

Гораздо позже, в гуманистическом наследии Запада в эпоху постмодерна, тревога была осмыслена как важнейший экзистенциальный источник образа предназначения человека, хотя внутри самого течения западного экзистенциализма тревога воспринималась как коллективное отчаяние.

В русском искусстве, где возрожденческие мотивы в живописи мощно прорывались дважды - в эпоху духовного Возрождения 12-15 в.в. и в эпоху русского модерна, которое иногда обозначают как Позднее, Трагическое Возрождение, тревога была осмыслена как **возможность духовного обновления**, как то человеческое переживание, которое приближается к постижению не только смысла, но и сакрального Замысла. Так, русская духовная традиция именно в возрожденческие переходные периоды создала, вслед за возрожденческими шедеврами Византии, уникальную культуру иконописи, святости и преподобия, привнеся в переживание тревоги сотериологические и аскетические мотивы, дав толчок появлению русской традиции духовного прозрения и бесстрашия.

Богоматерь Владимирская. Умиление (Елеуса). Византийская икона. XII век.,
Храм Николая в Толмачах, Третьяковская галерея

Андрей Рублев (около 1370 - 1430)
СВЯТАЯ ТРОИЦА
1422-1427, ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Спас Нерукотворный. Новгородская школа иконописи, ок. 1100 г..
Третьяковская галерея

Одигитрия Смоленская. Дионисий. 1482 г.Третьяковская галерея

3. Аттрактор третий. Воля.

Эжен Делакруа «Свобода, ведущая народ», 1830, Лувр

Инвариантное значение воли.

Фаза воли есть центральный, поворотный момент всего перехода как такового, потому что именно воля как фаза «взрослости», «взрослого холизма», совершеннолетия, осуществляет тот импульс внутренне-внешнего самоопределения, от которого напрямую зависит матричная, инвариантная целостность человека и каждого антропного начала, включая цивилизацию. Где конструкты воли и традиции ее выстраивания образуют важнейший, опорный медиативный узел, определяющий свободу выбора и его смысл.

В то же время в каждом экзистенциальном переходе, где бы и когда бы он ни происходил, первое, что отчетливо бросается в глаза – это изъяны воли как матричного медиатора, ее ущербность, ее разорванность или фрагментация и – как ответ на это - появление множественных теорий, утопий и осуществленных проектов утверждения человеческой и общественной воли как исполнителя Промысла Божия (Воли Неба) и моральных категорий и добродетелей. Парадокс, однако, состоит в том, что любая эпоха воплощения моральных ценностей конечна, и имеет свойство вырождаться, хотя и содержит устойчивые каноны взаимности и может самовозобновляться в иных формах, а воля – это такое **намерение-поведение–выбор-поступок--мышление-сознание**, которое обращено к поиску вечных, неизблемых принципов собственно человеческого самоосмысления, на поиски которых в каждом антропном очаге уходили столетия и жизнь многих поколений мыслителей, полководцев и правителей.

Важнейший импульс воли, который хотел бы утвердить доброе, вечное и здоровое, выстраивая **идеал вечной воли**, сталкивается, однако, с таким же вечным состоянием вражды и раздробленности, и, соответственно, с оживлением «образа врага», бурным переживанием жертвы и пирамиды виктимности (жертва-тиран-спаситель), которыми переполнены все известные переходные периоды истории. А также с собственной неугасимой страстью к свободе и с бесчисленными парадоксами, которые ее сопровождают, включая противоречия между природными, естественными истоками воли-желания, ее социальными (моральными) устоями и ее же Божественной волей.

Поиски гармонии воли.

Каждый антропный переход выдвигает свои инвариантные формулы связки гармонии и воли: выбор между доброй и злой волей, воля как мудрость и идеал мудрого владыки, воля и сила, воля и свобода, воля и разум, воля и необходимость, воля и ответственность, героическая и жертвенная воля, воля и власть, воля и предательство, воля как подвиг, воля как духовная сила, воля между Небом и Землей, воля между разумом и сердцем, между нравственностью и волюнтаризмом и проч. Собственно говоря, все указанные дихотомные формулы существуют одновременно в каждом переходе, но нам важно выявить те корневые традиции признанного и предпочитаемого волеизъявления, которые столетиями формируют незыблемость цивилизаций и важнейших антропных очагов и культур.

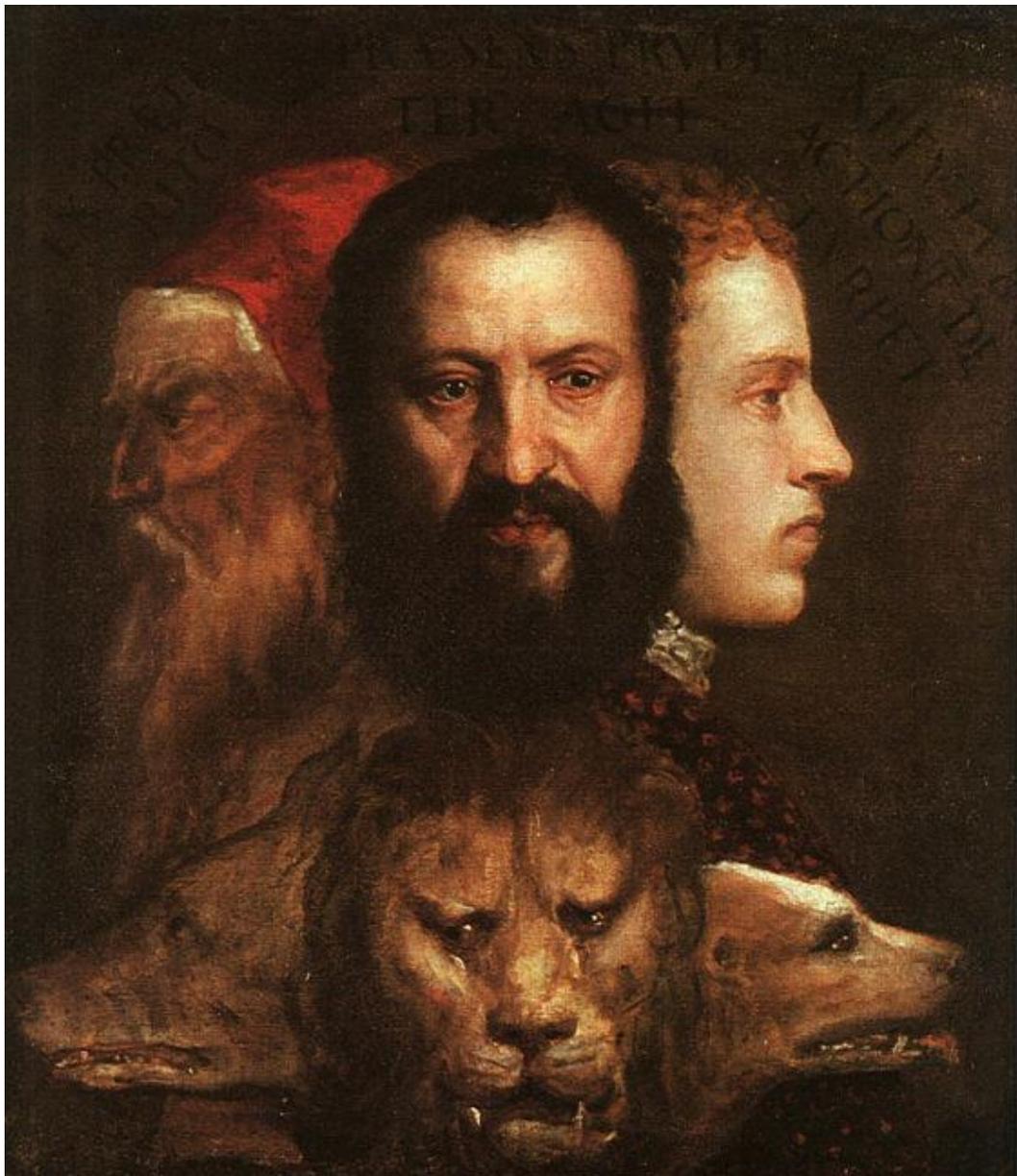

Сандро Боттичелли «Аллегория силы», 1470
Галерея Уффици, Флоренция

Амброджио Лоренцетти | «Аллегория доброго правления» | 1337-39гг. | фреска | 1337-39гг. | Сиена, Палаццо Пубблико

Тициан. Аллегория времени,
управляемая благоразумием.
Ок. 1565. Национальная галерея,
Лондон

Запад: страсть к свободе воли и ее парадоксы и аллегории

Воле-проявление во всех западных культурах осмыслено различно, с глубочайшей древности, но везде, где бы оно не появлялось – особенно в ренессансные периоды – оно поражает феноменальным всплеском страсти к свободе, бурным и парадоксальным изъятием чувств и состояния умов, появлением титанов и мировых шедевров – особенно в логосфере, сфере идей и мировоззрений и искусстве изображения. Где одним из признанных и предпочитаемых идеалов воли в период Высокого Возрождения было признано благоразумие (Тициан, Аллегория времени, Боттичелли, Аллегория силы).

Провозглашенный на Западе ренессансный поворот к античной «осевой» формуле «человека как мерила всех вещей» и наставления Тициана - «*Ex praeterito praesens praedenter agit, ni futurum actione deturpet*» («Опираясь на прошлое, настоящее поступает благоразумно, чтобы не навредить будущему») – в надписи на его картине, взывающей к здравому смыслу - просуществовали в фокусе притяжения культуры, однако, недолго. Западный гуманный антропоцентризм стремительно столкнулся с характерным отчуждением человека от самого себя, с доминантой свободы предприимчивости, обернувшейся кабалой рынка и убийственного соперничества ради жажды прибыли и обладания.

Провозглашенные идеалы свободы, равенства и братства – на заре промышленной эры – вскоре обернулись невиданным разрастанием «образа врага», апокалипсисом двух мировых войн и глубочайшим расколом во всех общественных отношениях, всего мирового порядка, всей полноты культуры, достигнув апогея вырождения уже в 21 в. Провозглашенные западные идеалы справедливого общественного устройства обернулись банальной утопией нового рабства, попрания всех собственных же идеалов нравственности и морали, подменой всех возможных устоев честности, порядочности, доверия и благополучия, вплоть до разрастания лжи и самообмана до гомерических размеров, а вслед за этим срыв в откровенную тоталитарность с угрозой Зей мировой войны.

Этот множественный парадокс истощил и обескровил всю толщу Большой западной традиции поисков гармонии воли и ее свободы, которая столетиями благополучно существовала и самообновлялась во множестве внутренних противоречий и ментальных битв в могучей, кормящей стихии идейного лона либерализма, начавшись с «осевого времени» – Сократ, Аристотель, Платон, стоики, Августин, Аквинат, Эразм Роттердамский, Лютер, Кальвин, Гоббс, Локк, Лейбниц, Руссо, Декарт, Спиноза, Кант, Фихте, Гегель, Ницше, Шопенгауэр, Хайдеггер, Сартр, Бодрийяр, Камю, Делез, Фуко, Эко. Ее надлом, а затем и растянувшаяся на десятилетия 20-21 в.в. агония произошла из-за неспособности самого либерального ума освоить и осмыслить размах глобальности, целостности и роста множественности - трансцендентности (по Айзенштадту) - связанный с бурно протекавшими и текущими сейчас, сразу несколькими, резко «сжатыми» во времени промышленными, информационными и антропологическими революциями.

Неспособность либеральной мысли к осмыслению появления фактически Сверхнового времени, эпохи Антропоцена и единства антропного разнообразия вызвало ответный, гигантский размах западного мессианства и неокOLONиализма, новый размах искаженного, тоталитарного варианта глобализма, в котором идея свободы воли человека окончательно стала «негативной» и выродилась в симулякр либертарианства. Для Запада смерть либеральной идеи – это фатум, сдвигающий всю его историю в ту область, где действуют силы и идеалы неподвластной для него стихии судьбы и пустоты Большого антропного перехода, Божественной воли и Провидения. Где неизбежно придется опираться на те устои, идеи, мировоззрения, стратегия и действия, которые способны найти правильный и точный ответ на эти исторические вызовы, недоступные для их осознания западными элитами.

Китай: мудрость воли

Воля в традиционной китайской культуре

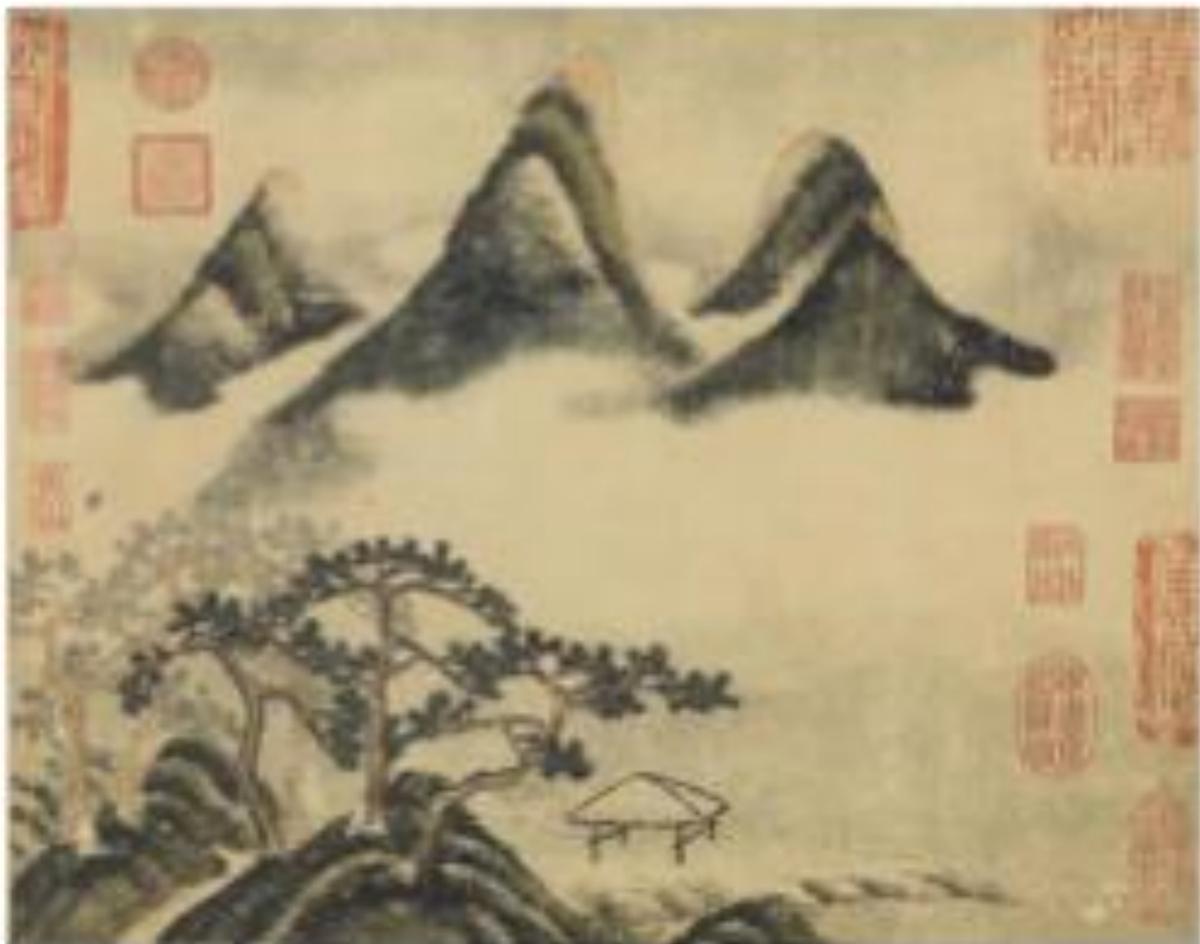
В плотно сплетенной правополушарной, образной китайской культуре, имеющей много-тысячелетнюю историю, мы не найдем сколько-нибудь определенного понимания воли, столкнувшись со множественными его оттенками и атрибутами в разных китайских течениях, культурных и религиозных школах и направлениях. У всех этих течений, есть, однако, общее суждение относительно источника воли – это прежде всего Воля Неба (тянь), 天 - верховное божество, высшая сила; высшее природное начало, член Великой Триады «Небо-Земля-Человек»; природное начало в человеке. Фактически это - этический и природный закон, который в династийную эпоху обрел устойчивый образ - Прообраз Неба – как свода, укрывающего всю тьму вещей. «Тянь»– это пантеистическое («Бог-во-всем») понятие, высшая мироустроительная сила, благодаря которой сменяются времена года, день и ночь, отличное от панентеистических («всё в Боге») представлений авраамитических культур.

Китайская культура - это строго упорядоченный смысловой лабиринт, где в центре располагается синкретически устроенный управляющий узел из синтеза следующих образов-понятий – путь, судьба, ритуал, Воля Неба, недеяние и пр. Важное уточнение, имеющее влияние на весь спектр китайской культуры, связано с тем, что «воля» (мин) 命 - мандат, приказ, директива, провидение, рок, судьба, книга судеб, долголетие – трактуется в конфуцианстве как повеление, долг перед предками, а также как образ, близкий к значению в левовополушарных, алфавитных культурах, и русской культуре, в том числе, к смыслу и значению понятия «судьба», «участь».

Близость восприятия воли к восприятию судьбы, а в даосских представлениях и близость к законам природы и Великого предела, предначертанного жизненного Пути, сразу снимает постановку проблемы о свободе воли человека. В то же время, даосские представления – Чжуан цзы – открывают путь к основам «совершенного человека» с его внутренней свободой познания своего Пути, включая его спонтанные действия и отстраненность от моральных уз и обязательств. Буддийская трактовка воли еще более радикальна, она предполагает созерцательное отстранение от реальности и слияние с Высшими силами, обеспечивающими в случае отказа от собственной самодостаточности, «растворенное» обретение себя и через это получение опыта новых степеней свободы воли. Эти сюжеты и образы отражены в искусстве различных школ китайской традиционной живописи, особенно в переходную эпоху китайского возрожденческого цикла и династийной эпохи Сун (960-1279).

Китайская Срединность

Много-тысячелетняя китайская культура, особенно начиная с «осевой» эпохи, выработала особый «срединный» идеал собственного цивилизационного «дыхания», колебательного циклического ритма, где постоянно идет возобновление «срединного» идеала не собственно воли, но ее социальной оболочки, социального порядка, поддерживающего незыблемость нравственно-регулятивных устоев, своеобразного «социального благородства» на твердой основе приоритета практического упорного труда как воплощения Дао (Пути). Десакрализованная и социоцентричная китайская культура удерживает таким образом «срединную» устойчивость, возобновляя культ мудрости и легендарных мудрецов – Конфуция, Лао-цзы, Чжуан-цзы, вообще дидактическую норму Учителей – (лао-ши) - старших и мудрых, и стремящихся к этому идеалу элит умных и порядочных. «Воля» (мин) – как мандат Неба, конфуцианская добродетель, сохраняет свою ценность, соединяя природное равенство и выдвижение достойных, поддерживая ритуал и консервативный церемониал, культивирующий пиетет перед древностью.

Ми Фу – Весенние горы и сосны, 1051-1107, Тайпей, Национальный музей

Бодхисаттва Гуаньинь Луна-Вода, нач. 13 в. , Эрмитаж, Санкт-Петербург

Китайская культура социоцентрична и поддерживает волю как тягу к самосовершенствованию, следованию древнему принципу «совершенного» («совершенно-мудрого», благородного) человека, и непреложному закону долга перед семьей и предками, а также принципов разумного поведения и рационального мышления. В современном Китае свобода воли воспринимается как определенный общественный порядок проявления своего мнения и своего действия, в рамках социального рейтинга и тех социальных ценностей, которые предпочитаемы сегодня – достаток, зажиточность, упорный труд во благо китайской мечте о возрождении.

Русская воля и ее архетипы

В отечественной истории есть целый ряд ключевых переходных периодов, оказавших сильное влияние на формирование стержня русского самосознания, в том числе и потому, что канва русской культуры была тесно связана с дискретной историей русского государства и пережила несколько разрывов и переходных периодов в самой культуре, начиная с русского светского (новгородский период) и духовного Возрождения (12-16 в.в). Осмысление русской воли было у славянофилов, у Бердяева, Ильина, Федотова, в традиции Всеединства, у софиологов и в течение всего 20 века, когда Россия-СССР показала всю мощь своей совокупной воли в ходе строительства советского государства и героической защите его завоеваний в самой кровопролитной 2ой мировой войны. Где именно воля была выделена как важнейшее нравственное и судьбо-определяющее начало, проявленное прежде всего в героической, подвижнической воле русских святых, воле как подвиге самопожертвования русских ради Родины, Отечества и веры, особенно на поле боя, как широте русской души (разгуляться на воле), воле как стремлению к соборности и земному братству и воле как крепости и несгибаемости духа, в том числе, в русской православной аскезе как смиренной воле постижения Божественной воли.

Героическая воля-победительница

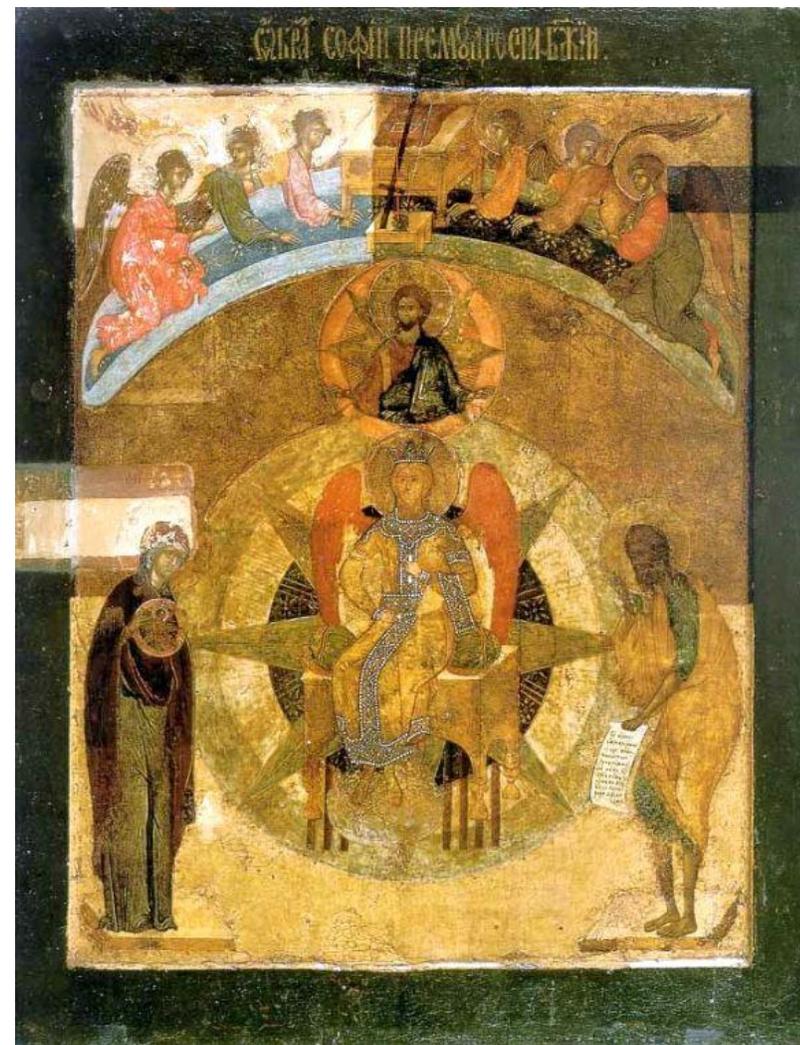
Русское возрожденческое искусство обращалось к сходным героическим сюжетам в классическом апокалиптическом образе Архангела Михаила, поражающего дракона. В русской иконописи 15-16 в.в. в этот ряд входит миф о мученике св. Георгии Победоносце, поражающим змия как древнего символа злобы и алчности. Культ Георгия Победоносца был одним из первых на Руси, как символа добра и правды, он канонизирован уже с 11 в., а впоследствии вошел в начертание герба российского государства. Уже в 14 в. образ Георгия Победоносца стал народной легендой и народным героическим символом, а сегодня его воплощение – георгиевская лента - это всенародно признанный важнейший символ русской Победы – и над фашизмом, и над современными захватчиками русской земли.

Русская воля-устроительница

Образ Софии, премудрости Божией, был также одним из самых устойчивых и самых ранних символов устройства Русского мира, уже со времени пятинной Новгородской республики (1136-1478 г.г.), и распространения византийского софиевского, мудрого начала в первых православных храмах – в Киеве, Новгороде и Полоцке. София в период русского модерна была осмыслена в традиции Всеединства и мировоззрении русских софиологов как прообраз единства разнообразия в России. Софиологи опирались на эту древнюю русскую объединительную традицию, пытались найти русской идеал воли-устроительницы, чтобы примирить и сберечь родную мать-землю и установить принцип софийной мудрости как единства божественной и земной воли, противопоставляя этот идеал западному гномическому принципу безудержной, эгоистической свободы воли и эгоистического разума.

ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ
XVI ВЕК. ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

София, Премудрость Божия (Новгородский извод). Икона 1-й
четверти XV в. Благовещенского собора Московского Кремля

Архетипическое противопоставление идеалов воли отмечено в русской культуре и в древнем противостоянии общинно-вечевой, земской новгородской воли с имперским волевым началом, воплотившемся в эсхатологической формуле Филофея 15 в. - Москва-Третий Рим. Которая выдвинула обоснование полной независимости России после неизбежного падения Рима и разрушения кафоличности западной церкви и кафоличности Константинополя, находившегося в 15 веке накануне падения, и обретение тем самым особой исторической судьбы и ответственности России как оплота последнего «христианского царства». Уже в 19 в. это стало обоснованием нового положения Российской империи и – по мысли Бердяева – мессианского православного проекта как действительно воплощения воли русской всемирности, которую еще предстоит осмыслить и воплотить, особенно сейчас, когда пророчество Филофея стало осуществляться уже в начале 21 века, на наших глазах.

4. Аттрактор четвертый. Судьба.

Смысловые развилки срединности.

Фаза «середины» жизни, когда ритм «телесности» перехода стихает, делается ограничивающим, «сжатым», начинают действовать совершенно новые незнакомые ранее измерения жизни, сдвигающие фокус непосредственно к сердцевине существования человека (общности, страны, цивилизации), его призванности и предназначенности. Эта фаза судьбы может принимать вид хорошо известных формальных признаков – рок, фатум, фортуна и пр., у которых, однако, есть **единое, глубинное, срединное ядро** – это настойчивый поиск принципиального нового жизненного ресурса, источника **духовной зрелости**, «второго рождения», второго дыхания, нового «лица», повторного перезапуска жизни и обретения неизвестных ранее жизненных сил и возможностей.

В жизни отдельного человека или сообщества этот кризис в самом начале переживается эсхатологически, чаще всего через жертву, травму и боль утрат, проходя несколько смысловых развилок и заставляя, даже принуждая, сделать свой уникальный, собственный выбор, когда собственный и привычный ритм буквально исчезает, сжимаясь до точки невозврата.

Смысловая развилка 1 – вступить на путь дожития и приближающейся старости, или, приняв свою судьбу как естественный, ему(им) предназначенный, неслучайный вызов, начать распознавать подлинный смысл, новые цели и стремления своей жизни, выстраивая, рождая себя заново, это – точка аутопоэзиса,

Смысловая развилка 2 – продолжать привычный цикл поиска «накоплений» – приключений, риска, удачи, потребления, удовольствия, обладания, богатства или искать середину, осмысленную уравновешенность, новый смысл жизни, в согласии с близкими, согласно Провидению, и Божественному Промыслу, кармическим законам мироздания, где упор делается на принципах всеобщего равновесия и гармонии, либо на принципах воздаяния и конечной причинности жизни («что посеешь, то и пожнешь»), это – точка сердечного равновесия,

Смысловая развилка 3 - продолжать бессознательно удерживать «образ врага» или начать его осознание, поиск его источника, в том числе в жертвенных ударах своей судьбы, обретая тем самым подвижническое мышление, способность никогда не сдаваться, крепкую веру в победу и силу духа, мужество и стойкость, особую ответственность и готовность к любому вызову, предупреждая появление «врага» и «врагов», героически справляться с их нашествием и вызванной ими катастрофой, преобразовывая их в образ посильного препятствия или испытания, Замысла, которое дано самой судьбой и Богом ради обретения призвания, это – точка подвига.

Отрицательный и безоценочный срединный ум.

Все смысловые развилки «духовной зрелости» переживаются через состояния пустоты и апофатического молчания (невидение и неведение), чаще всего привлекая целый ряд состояний и переживаний исихастского, аскетического свойства, а также переживания незнакомых **срединных измерений**, где в восприятии имеет место не трехмерный мир, но многомерный, многоскоростной, трансмерный, и появляется иное мышление, где мерность не оценивается, а отслеживается, наблюдается. Это – принципиально иное, отрицательное, срединное состояние ума и духа, преодолевшего свою привычную ранее оценочность и привычные схемы мышления и действия, получая тем самым доступ к пониманию неслучайного, сути, смысла и сущности вещей и явлений и даже их безмерного, вечного значения.

Безоценочность задействует иные слои **срединного восприятия**, в частности, сердечный разум, «умное сердце», точнее, его отображение в настройке на оптимальность, синхронистичность, согласованность, любовь и приятие, которые составляют важнейшие элементы инвариантного, матричного устройства, его смысловой каркас. Данные качества формируют принципиально иное смысловое пространство, где естественным путем появляется доверие, единомыслие, сопряжение целей и интересов, содружество, сопричастность и согласие и их оформление в древнейшую категорию мудрости, идеалы которой наполняли культуры всех переходных периодов, но наиболее отчетливо и ярко – «осевого» времени, Возрождения и модерна.

Аллегория Фортуны. Сальваторе Роза
1658, Музей Гетти, Лос-Анджелес, США.

Питер Брейгель старший, Несение креста, 1564. Музей
истории искусств в Вене.

Э. Хеккель. Портрет мужчины. 1919
Вильямстоун, Массачусетс, США

Мишель Лейрис, Френсис Бэкон, 1976, Музей Гуггенхайма в
Бильбао (Испания)

Запад: эсхатологические предчувствия конца.

Эсхатологические предчувствия возникали на Западе уже на исходе Возрождения, хотя наиболее типичным для западной ментальности в это время оставалось состояние эмоционального подъема и фортуны, которая дарит редкую удачу. Переход к модерну и тем более постмодерну, несмотря на короткую эйфорию в период после «холодной войны» и распада СССР, оставил, однако, на Западе, ярко выраженный эсхатологический след, наблюдаемый и сегодня. Эти радикальные колебания в переживании судьбы между эйфорией авантюрной игры и ничем не ограниченной свободой и неизбежного фатума, толкает Запад к постоянной военной эскалации, чтобы взбодрить угасшие было импульсы воли и развернуть весь исторический разбег вспять, закрепив непрерывной войной как наркотиком свою прошлую славу. Неспособность западных элит осмыслить Срединность как исторический вызов перехода от 20в. к 21в. и перейти к «срединным» основам мироустройства и культуры, указывает на глубинную неспособность Запада **осознать свою собственную судьбу и свое Богом дарованное историческое призвание**, перейти к цивилизационной зрелости и «заземлению», к тому, чтобы обрести свое, предназначенное судьбой место в синергии современных цивилизаций, укротив свою вековую жажду гегемонии, захвата «чужого» и полного уничтожения соперников.

Китай: на пороге нового Возрождения

Для китайской культуры переживание судьбы именно как преодолимого, и, более того, необходимого испытания проистекает из самого ее лабиринтного устройства, где понятие судьбы есть один из нескольких опорных мировоззренческих принципов ее **самобытного срединного самовыстраивания** на протяжении нескольких последних столетий. С тем уточнением, что именно последнее столетие стало самым напряженным собственно переходом, когда Китай как единственная сохранившаяся древняя цивилизация, пережил в 20 веке сразу несколько кризисов радикальной смены государственного устройства, включая трагический период «культурной революции», сохранив, однако, свою государственную целостность, на которую, как на стержень, нанизана вся толща китайской цивилизации. Китай находится сегодня на цивилизационном подъеме как подлинно **срединная цивилизация** и в этом качестве сохраняясь как ведущая мировая сила, способная выдерживать вызов времени и удерживать управление переходностью.

Ван Шень (1867-1938)
Лотос и птицы
1918

Снежный день в 1968. Чэн Цунлинь (Cheng Conglin).1979

Взаимная серия, Чанцзян
(Zhou Changjiang).1985

Россия: в поиске новой Срединности

Судьба России в те же периоды перехода – Возрождения и модерна и в конце 20 – начале 21 в.в. – была сопряжена с буквально роковыми эпизодами, взлетами и падениями, в последние полтора столетия - с несколькими революциями, гражданскими войнами, всплеском тоталитарности, героической общенародной Победой в Великой Отечественной войне и грандиозными достижениями советской эпохи, когда Россия-СССР стала первопроходцем социализма во всей мировой истории, и при этом - распадом - дважды – своей государственности, а теперь – в 20е годы 21 века – началом нового русского Возрождения. России предстоит упрочить свою **срединность**, она стойко принимает вызовы своей исторической судьбы, переживая мощный подъем, новую стремительную и героическую консолидацию всех здоровых сил страны. Россия как «молодая» и единственная уникальная переходная цивилизация, соединяющая Восток и Запад, стремится стать активным участником выстраивания **Срединности** не только локально, но как как глобальной силы Большого антропоного перехода и нового мирового порядка. Который сможет эффективно противостоять западному тоталитарному диктату в ходе его очередной попытки навязать миру свою гегемонию.

Стратегическая развилка срединности и жертва

Вызов судьбы, принуждающий внутри текущего перехода к неизбежному пересмотру мировоззрения и начертания заново своего стратегического пути с поиском своей срединности и мира во всем мире, охватывает сегодня всю планету. И каждый антропоный очаг будет сталкиваться с этим неотвратимым выбором, и, соответственно, выбором самобытного цивилизационного самовыстраивания и своего нового Возрождения. Или – следуя логике западной гегемонии – столкновением с искушением образа свободы, но в реальности - фатальностью попадания под тоталитарную власть Запада и, следовательно, принуждения к войне, утере своей государственности со множественными роковыми обстоятельствами. Фатум этой стратегической развилки состоит в том, что столетиями жертвы, искупительные или умиловительные, неизбежно сопровождали подобные переходные периоды, четко очерчивая их траекторию. И теперь – уже в ближайшие месяцы и годы станет ясно, как и при каких жертвенных обстоятельствах будет преодолена опасность новой мировой войны и откроется путь преодоления «образа врага» и начала мирного, срединного строительства в мире в целом.

Ангел Страшного суда.
В.В. Кандинский. 1911 г. Роспись на стекле, 26×17.
Мюнхен, Германия. Городская галерея в Ленбаххаузе

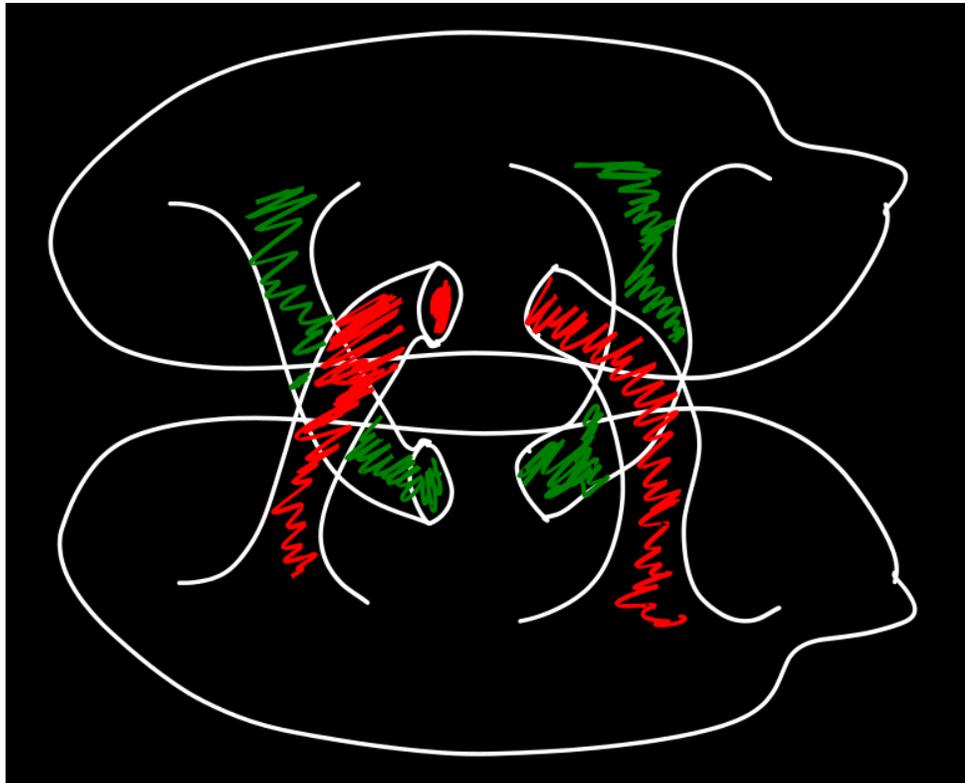
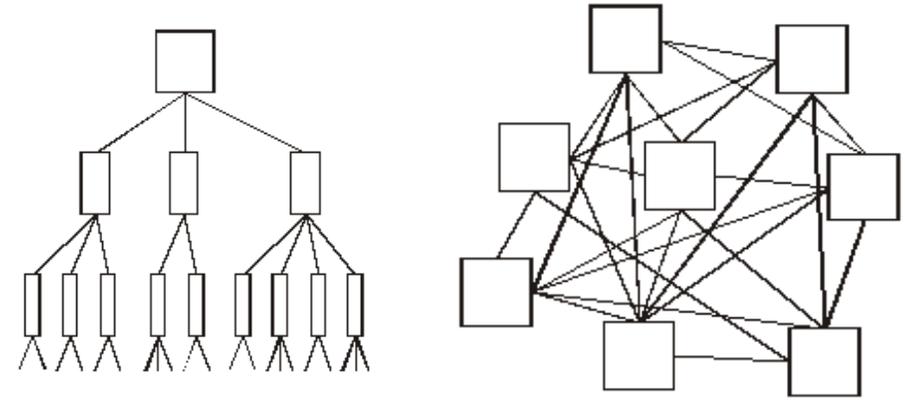
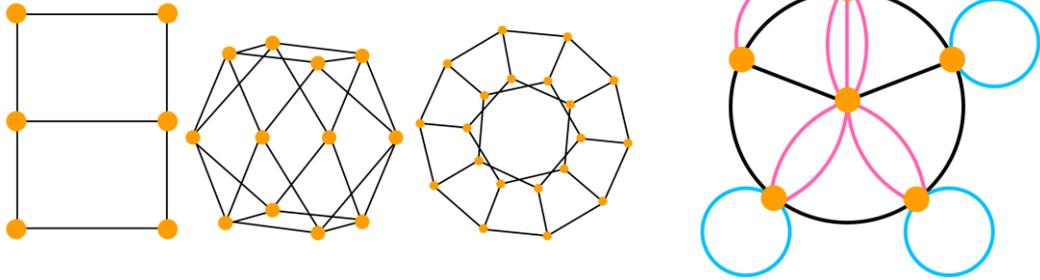

Апофеоз войны. В.В.Верещагин, 1871, Третьяковская галерея

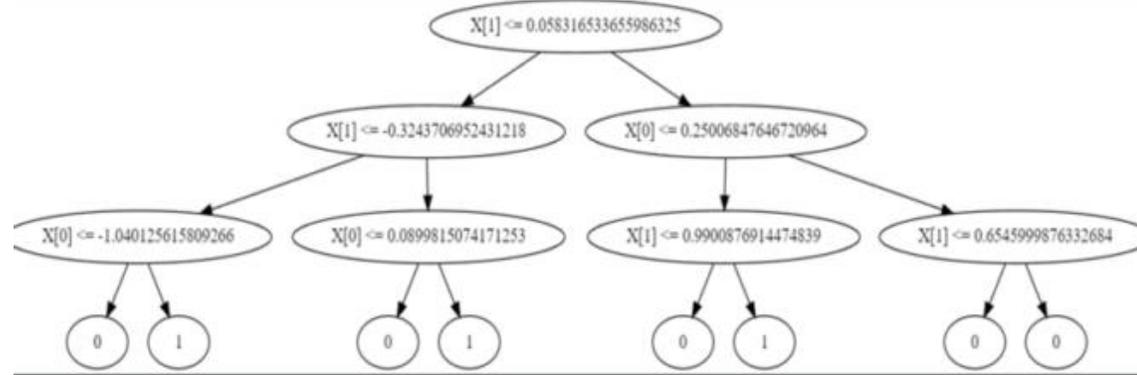
А.А.Мыльников На мирных полях, 1950, Русский музей

5. Аттрактор пятый, странный. Сознание.

	precision	recall	f1-score	support
0	0.87	0.98	0.92	500
1	0.97	0.85	0.91	500
accuracy			0.92	1000
macro avg	0.92	0.92	0.92	1000
weighted avg	0.92	0.92	0.92	1000

DecisionTree

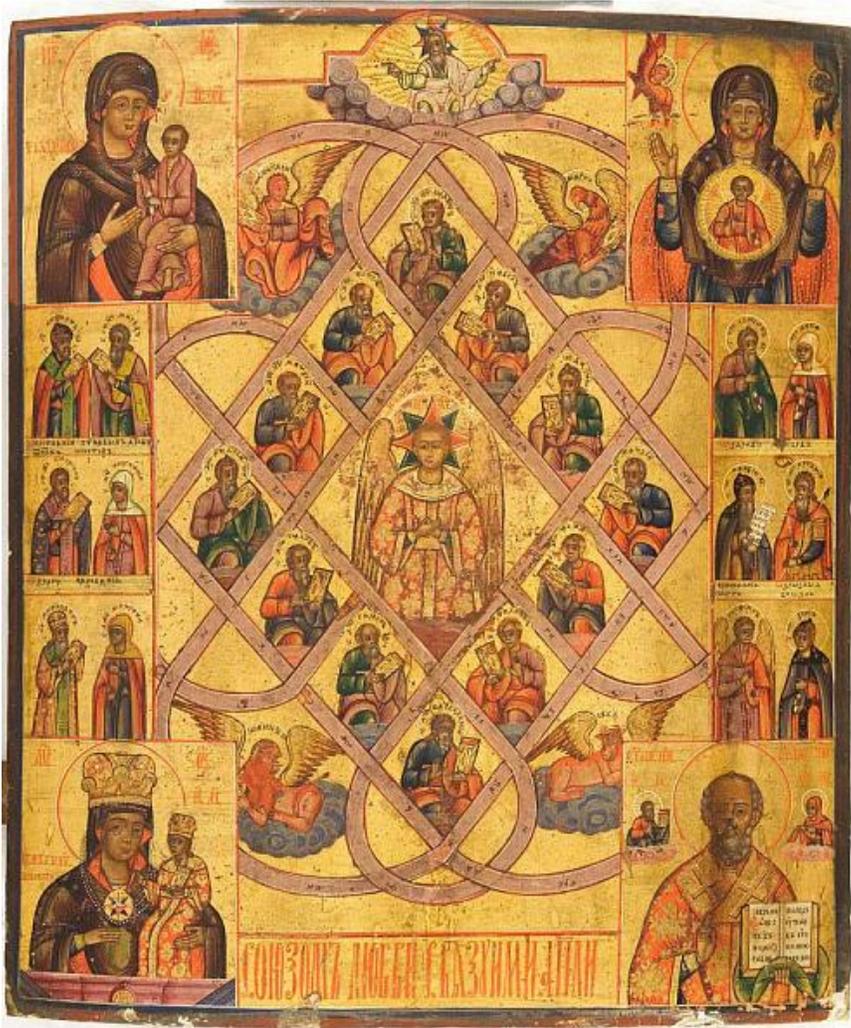

Фаза сознания – и мудрости - складывающаяся очень бурно, ускоренными темпами, в ходе начавшегося ближе к концу 20 в. периода Антропоцена, и сдвига фокуса внимания всех мировых мировоззренческих поисков непосредственно к человеку и вокруг него, в современном переходе развивается крайне неравномерно. Это отражает и само устройство сознания, как странного аттрактора, с его фрактальными структурами семантических графов, выраженной переходно-сетевой природой, и такими качествами как безоценочность, всеобщность и неповторимость одновременно. В сознании хорошо заметны его феноменальные качества умственного зеркала – причем как природного отражателя умов, особенно в сетевом обмене, так и «металлического зеркала», амальгамы, отражающего точные архетипы и образы культурной памяти и накопленного богатства всей истории культуры, сжимая его до масштаба «наскального рисунка», паттерна, графики различного формата, но оттачивая их в соотношении с совестью и нравственными идеалами всеобщего выравнивания, «золотым правилом» взаимного отражения.

С этой точки зрения современный всплеск цифровой сетевой графики и самой цифровизации есть лишь первичная опробация записи работы именно странного аттрактора сознания и перевода его на машинные языки. Странный аттрактор сознания пока заметен в своих отдельных, частных эпизодах, перерабатывающих весь предыдущий опыт – особенно переходной мысли и описанных нами живых, телесно очень насыщенных аттракторов перехода. Смысл этой переработки в сознании – и это следующий этап - состоит в освобождении аттракторов перехода от их исторических и мировоззренческих изъянов, неверного выбора, омраченных состояний, особенно, убийственной конкуренции и «образа врага», чтобы выволить из них суть и глубокий трансформирующий смысл. Работа сознания как странного аттрактора – холистична, но она плотно связана с традициями локальных культур, постепенно встраивая их вовнутрь собственных цивилизаций и в общую картину нового мирового порядка, достигая особой мыследелательной синхроничности и союза воли и устремлений.

Современная сеть и все сетевое общество неизбежно движется именно к этой волновой синхронии. Временная автаркия и временное обособление цивилизаций, вынужденных адаптироваться к глубочайшему цивилизационному кризису Запада, неотвратимо втягиваются в работу странного аттрактора сознания. Задача которого сегодня как и во все предыдущие эпохи перехода – это поиски совместного просветления и спасения, перед лицом отчаяния и безумия элит, западных особенно, не способных самостоятельно справиться с собственным естественным состоянием духовного роста и цивилизационного метаморфоза, постоянно откатываясь к линейным, начальным, детско-юношеским аттракторам перехода и превращаясь в одряхлевших подростков и безвольных инфантилов.

6. Аттрактор шестой, сотериологический. Синергия

«Союзом любви связуемы апостолы...» (икона-целебник)

Собор 12-ти Апостолов
Собор 12 апостолов

Возрожденческие периоды в истории Восточной церкви и в истории русской мысли были связаны с осмыслением синергийных состояний человека в его пути к Божественной любви и Богопознанию. Само переживание синергии – в том числе внутри аскетической традиции православия – исихазме и в староверии – воспринималось с рядом особенностей, включая само переживание Иного, и самой взаимности, открытости, сострадания. Более раннее понимание синергии в Византии отражало переживание синергии как природного символа, но в более поздних, связанных с работами софиологов в России конца 19-начала 20 в.в., синергия воспринималась как совместное делание, как именно соработничество, добровольное, сердечное и союзное сотворчество, близкое к раннехристианскому пониманию апостолического братства, союза-в-любви – «агапы». Для России синергия – ее природно-естественное состояние коммюнитарности, мирового братства – народов и людей, всемирное единение душ и устремлений, идея которого прошла сквозь всю русскую культуру и историю, невредимо сохранившись до сего дня.

В то же время, синергия в духовных трудах воспринимается и как глубоко волевой акт, совместного волевого творчества, которому предшествует работа доброй воли, жертвой очищающей ум от влияния омраченных гордыней мыслей и помыслов, чтобы воспринять Божественную волю и сделать свой нравственный выбор так, как велит любящее, искреннее сердце. Теперь эту коллективную волю предстоит воплотить во множестве новейших инициатив взаимности, переломив инерцию вражды и бесконечных войн, в том числе искусственно навязываемых на Западе как продвижение древней формулы «разделяй и властвуй».

Синергия цивилизаций, образ которой уже вошел в жизнь современников и стал предметом ожесточенных споров и мировоззренческих битв, только начинает свое подвижничество. От сферы духовных откровений и прозрений, глубоко закрытых духовных практик синергии предстоит в ближайшее время осуществиться, создав уже «на земле» новые «агапы»-братства и новых последователей соработничества и сердечного согласия на разных континентах. Эта работа уже идет «снизу», в размахе мировой сети, причем достаточно быстро, так как ритм Сверхнового времени ускоряется, но теперь синергии предстоит сделать прыжок в элитные слои, внеся в них апостолические и подвижнические устои и устремления.

Заключение

Смысловой алгоритм рождения синергии располагается **между краями – профанным и сакральным** и имеет отчетливые «выравнивающие» и «посреднические» цели достижения взаимности и разрешения противоречий, обладая целым рядом антропных «срединных» и «осевых» возможностей, особенно в умственной сфере, а именно:

- Одомашнивание варварства и воинственности, преобразование вражды, насилия и «омраченных» состояний, особенно предательства, коварства и «убивающей» конкуренции
- Очеловечивание и рождение «здорового» и «доброго» – особенно здорового смысла и здорового мышления
- Высвобождение множественных «синергийных» состояний «общего» и «целого» – сотворчества, сотрудничества, союзничества
- Высвобождение предназначенности, ответственности и гармонии воли
- Высвобождение состояния «умного сердца» и примирения
- Обновление и «повторное» рождение, возобновление жизненных сил и эвристических возможностей
- Выравнивание ритмического контура развития – от «лихорадочного», скачкообразно-галопирующего в плавно-волновой